

Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов)

А. Н. Артизов

Составной частью процесса «сталинизации» советской историографии, превращения ее в послушное орудие формирования удобного вождю политического сознания масс являлись репрессии в отношении историков. О них в последние годы написано немало¹. Но наряду с ростом внимания к делу «Русского национального союза» (академическое дело) как-то в тени оказалась судьба тех, кто активно участвовал в разгроме и травле старой профессуры, а затем сам попал под безжалостную пята карательной машины, т. е. историков школы М. Н. Покровского. Их жизненный путь в литературе освещен далеко не полно, многие из них не знакомы современному читателю. Между тем эти ученые в советской исторической науке занимали ведущее положение, которое с конца 20-х годов, когда при их активной поддержке были насильственно отрешены от творчества виднейшие представители старой школы, стало монопольным.

О судьбе этих историков говорят материалы уголовных дел репрессированных, хранящихся в Центральном архиве бывшего Министерства безопасности Российской Федерации. Особенности содержания этого вида источников в какой-то мере определяют специфику их использования. Обычный состав уголовного дела не зависит от его объема. Почти в каждом из них, включает оно один или несколько томов, содержатся следующие документы: справка органов НКВД об изобличающих будущего арестанта показаниях других лиц или, что гораздо реже, утвержденное прокурором обвинительное постановление в его адрес; ордер на арест; протокол обыска, в который входит список изъятых архивных материалов и литературы; заполненная подследственным биографическая анкета (анкета арестованного); конверт с двумя тюремными фото в фас и профиль; постановление об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого; протоколы его допросов и очных ставок; протоколы допросов других лиц; обвинительное заключение, иногда вместе со справкой органов НКВД об окончании следствия и передаче материалов в суд; протокол подготовительного заседания судебного органа; расписка арестованного об ознакомлении с обвинительным заключением; протокол судебного заседания; приговор; справка о его исполнении. В отдельных делах имеются постановления о переквалификации обвинения, о продлении срока следствия, справки о состоянии здоровья арестованного, написанные им в камере показания

Артизов Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, член коллегии — начальник отдела Государственной архивной службы России.

или обращения в партийные и государственные инстанции. К делу бывают также приобщены рецензии и отзывы на научные труды подследственного, материалы проверок учреждений, где он работал, копии решений партийных органов о взысканиях и исключении его из партии, обличительные письма в ЦК ВКП(б) и органы НКВД от бывших сослуживцев. Очень редко встречаются изъятые при обыске документы личного архива, так как по завершении дела они чаще всего уничтожались.

Последовательность расположения в уголовном деле документов, как правило, совпадает с хронологией следствия. Однако часто справки об обвинениях и даже ордера на арест оформлены задним числом, когда следствие уже всю развернуло свою работу.

Особое место в деле занимают протоколы допросов. В зависимости от сроков следствия, важности арестованного, его готовности сотрудничать с органами НКВД их число варьируется от двух-трех до нескольких десятков. Протоколы допросов подследственного перемежаются протоколами допросов других лиц. Последние, представляя деятельность арестованного в негативном свете, служили зачастую главным обоснованием его вины. Редкий, но по своему характерный для тогдашних уголовно-процессуальных норм факт: протокол допроса «разговорчивого» подследственного может отсутствовать в его уголовном деле, но найдется в делах его знакомых или сослуживцев.

Действующее архивное законодательство, исходя из интересов защиты прав личности, предусматривает ограничения на пользование подобным специфическим материалом. В соответствии с «Регламентом доступа к материалам прекращенных уголовных и фильтрационно-проверочных дел в государственных и ведомственных архивах Российской Федерации» использование таких документов ранее 75 лет со времени их создания разрешается в основном с согласия самого бывшего обвиняемого и его ближайших родственников. Допущенный к этим делам не должен разглашать сведения, составляющие тайну личной жизни гражданина (его семейные и интимные отношения, здоровье, имущественное положение), а также сведения, угрожающие безопасности его семьи. Руководствуясь этими правилами, автор данной статьи не считал для себя приемлемой, как с правовой, так и с нравственной точки зрения, роль прокурора с вынесением обвинительных вердиктов или выяснением, кто из историков кого тогда оговорил.

Заключительный раздел уголовного дела — материалы о реабилитации, относящиеся ко второй половине 50-х или к концу 80-х годов. Здесь обычный набор документов состоит из заявления родственников или самого репрессированного, справки и заключений прокуратуры о пересмотре дела, определения суда об отмене прежнего приговора, наконец, копии справки отдела загс о дате смерти реабилитированного лица, выдаваемой на руки членам семьи. Этот последний документ в отличие от находящейся в деле справки о расстреле обычно является фальшивым и имеет свою подоплеку, восходящую к трагическим 30-м годам. По тогдашней, санкционированной сверху «гуманистической» практике родственникам, если приговор о высшей мере наказания был приведен в исполнение, сообщались другие сведения, например, что их муж и отец осужден к нескольким годам исправительно-трудовых лагерей без права переписки. Позднее в ответ на их настойчивые просьбы о зятянувшемся молчании репрессированного отделы загс по поручению органов НКВД выдавали липовые справки о его смерти.

Эта процедура, преследовавшая цель скрыть истинные масштабы репрессий, сохранялась до 80-х годов и широко использовалась в период массовой реабилитации во второй половине 50-х годов. Семье историка П. П. Парадизова, как сообщает Е. Н. Никитин, прокуратурой в 1944 г. и отделом загс в 1982 г. были выданы справки о смерти ученого 30 октября 1940 года². Копия этих справок аккуратно подшита в его уголовном деле. В действительности согласно другой справке из этого же дела он был расстрелян еще 20 июня 1937 г. на следующий день после вынесения

приговора. Схожая ситуация со смертью историка Б. Н. Тихомирова, брату которого акад. М. Н. Тихомирову была выдана справка о его гибели 5 мая 1939 года³. И здесь установить реальную дату смерти ученого можно лишь при непосредственном обращении к материалам его уголовного дела.

Итак, уголовные дела даже при наличии законных ограничений на их использование дают богатую пищу для анализа механизмов организации репрессий, в деталях раскрывают прежде закрытый для науки «тюремный» период жизни пострадавших тогда ученых, уточняют с помощью самих репрессированных (анкета арестованного) вехи их деятельности. Особенно возрастает значение уголовных дел в связи с гибелью личных архивов этих людей, позволяя восстановить хотя бы в общих чертах биографическую канву их жизни. Судьбы историков «школы Покровского», чьи архивы за редкими исключениями не сохранились, невозможно осветить без привлечения материалов уголовных дел.

Понятие «школа Покровского» впервые и сразу в негативном толковании появилось в официальном сообщении «В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б)» 27 января 1936 г., где осуждались «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой «исторической школе Покровского»⁴. Это, конечно, была не научная дефиниция, а броский, запоминающийся ярлык, удобный для очередной политической кампании и шельмования неугодных. К вредительской «школе» не возбранялось причислять — и причисляли — любого, кто оказался «врагом народа», даже если он имел весьма отдаленное отношение к Покровскому. Представителями «школы» были объявлены активные критики Покровского при его жизни молодые историки Э. Я. Газанов, А. И. Ломакин и П. С. Дроздов, вечно фрондировавший против него С. А. Пионтковский. Спустя год после ареста к ней отнесли соратников В. И. Невского П. И. Анатольева, В. З. Зельцера, П. П. Парадизова.

В послесталинский период, утратив первоначальный обличительный оттенок, сохранилось привычное расширительное толкование «школы» в советской историографии⁵. Это произошло, быть может, из-за того, что большинство историков действительно учились у Покровского в Институте красной профессуры (ИКП) или в аспирантуре Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН). Или потому, что Покровский долгие годы являлся главой историков-марксистов, и всех их — его сподвижников и противников, ортодоксов и сомневающихся — при многих различиях объединяли воинствующий материализм, гиперклассовый подход к изучению прошлого, стремление связать исследовательскую работу с политическими требованиями дня. В данной статье используется именно это широкое понятие «школы Покровского», подразумевающее под нею большую группу историков-марксистов, занимавших в середине 1930-х годов руководящее положение в советской исторической науке.

Материалы уголовных дел не позволяют найти общую причинно-следственную связь, объясняющую почему в конкретный момент брали именно этого историка, а не другого. Специальных процессов по типу процессов «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии» для разгрома «школы Покровского» не было. Совпадение дат осуждения и гибели Н. Н. Ванага, С. А. Пионтковского, А. Г. Пригожина, Г. С. Фридлянда представляется скорее случайным. Ученых арестовывали по мере накопления компрометирующих показаний, вслед за исключением их из партии, выявлением старых оппозиционных контактов или в связи с другими политическими следствиями. Репрессии разрастались и вовлекали в свою орбиту все новых людей.

После убийства С. М. Кирова в числе большой группы участников зиновьевской оппозиции 18 декабря 1934 г. был арестован и по делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» осужден один из ближайших сподвижников Покровского лектор центральной школы НКВД И. Л. Татаров. Как бывшие оппозиционеры, 15 декабря 1934 г. были высланы из Ленинграда в Саратов директор местного отделения Института истории Комакадемии, декан исторического

факультета Ленинградского университета Г. С. Зайдель и в феврале 1935 г. в Алма-Ату — директор Историко-археографического института АН СССР С. Г. Томсинский. 5 февраля 1935 г. арестован и осужден к 5 годам исправительно-трудовых лагерей заместитель директора Ленинградского отделения Института истории Комакадемии А. И. Малышев.

В Москве в ходе фабрикации дела о «контрреволюционной группе В. И. Невского» органы НКВД арестовали 12 января 1935 г. научного сотрудника Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) А. С. Бернштейна, 2 февраля — ведущих сотрудников группы по истории пролетариата Института истории Комакадемии П. И. Анатольева и П. П. Парадизова, 7 февраля — инструктора Института массового заочного обучения при ЦК ВКП(б) М. Л. Циписа, 26 февраля — самого Невского, 5 марта — старшего научного сотрудника Института истории Комакадемии, редактора-консультанта издательства «История фабрик и заводов» В. З. Зельбера, 6 марта — заместителя директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина по науке И. Г. Кизрина. 5 мая 1935 г. Особым совещанием при НКВД СССР они были приговорены к различным срокам заключения.

В Казани в феврале — марте 1935 г. широкий резонанс получило «дело» троцкиста Н. Н. Эльвова, в ту пору декана исторического факультета местного пединститута. В Смоленске в эти же дни был арестован профессор истории пединститута выпускник ИКП Г. В. Ладоха. 11 апреля арестовали директора Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ) А. Г. Пригожина, в декабре 1935 г. — заместителя декана исторического факультета Московского университета М. И. Лурье (А. Эмея).

В следующем году начавшуюся кампанию критики Покровского сопровождала новая волна репрессий. Ее жертвами стали 11 февраля бывший директор Смоленского пединститута Э. Я. Газганов, 29 апреля заместитель председателя Казахстанского филиала АН СССР С. Г. Томсинский, 5 мая профессор Саратовского пединститута Г. С. Зайдель, 31 мая декан исторического факультета Московского университета Г. С. Фридлянд, 21 июня бывший заместитель директора Института истории Комакадемии Н. Н. Ваняг, 3 июля профессор Ленинградского института истории, философии и литературы З. Б. Лозинский. Весной и летом 1936 г. были арестованы также руководители Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) С. Н. Быковский, Ф. В. Кипарисов и М. М. Цвибак, директор Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б) О. А. Лидак, заместитель директора Международной ленинской школы З. Л. Серебрянский, профессор истории Сталинградского пединститута Г. Е. Меерсон, историки В. М. Далин, Л. Г. Райский, И. М. Троцкий, И. П. Токин, Е. И. Ривлин и др.

В конце 1936 г. научная общественность узнала об арестах профессора МИФЛИ С. А. Пионтковского, декана исторического факультета Азербайджанского университета и исполняющего обязанности директора Института истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана Б. Н. Тихомирова, декана исторического факультета Ленинградского университета С. М. Дубровского и его жены профессора Б. Б. Граве. В канун Нового года 30 декабря, прямо на праздничном вечере в ИКП истории был арестован его директор Т. М. Дубыня.

В 1937 г. репрессии охватили не менее широкий круг историков. Были арестованы в марте преподаватель ИКП истории И. В. Фролов, в июне заместитель директора Института истории АН СССР А. Г. Иоаннисян, директор историко-партийного ИКП В. Г. Кнорин, преподаватели этого института Н. М. Войтинский и А. И. Уразов, 26 июля руководитель кафедры истории народов СССР ИКП истории П. С. Дроздов и научный сотрудник Института истории АН СССР Е. П. Кривошеина, 10 и 20 августа старшие научные сотрудники того же института А. И. Ломакин и Д. Я. Кин, 23 августа заместитель председателя Комитета по заведению научными и учебными учреждениями ЦИК СССР, руководитель

кафедры истории СССР Московского университета П. О. Горин, 22 сентября бывший научный сотрудник Института истории АН СССР Б. М. Фрейдлин, 24 сентября новый директор ИКП истории В. И. Зеймаль, в октябре руководитель кафедры всеобщей истории ИКП истории Ф. Ф. Козлов, 22 ноября сменивший Зайделя на посту директора Ленинградского отделения Института истории Комкадемии С. С. Бантке.

Как сообщил 31 марта 1937 г. на партийном собрании недавно образованного Института истории АН СССР его директор Н. М. Лукин, институт по числу выявленных «вредителей» занял первое место в системе Академии наук. Только в Ленинградском отделении института из 20 сотрудников аресту подверглись 14 человек⁶. Самого академика Лукина постигла та же участь — в феврале 1938 г. без каких-либо объяснений он был снят с должности директора института, а спустя полгода 22 августа арестован и умер в заключении.

После 1937 г. такого массового репрессирования историков не было. Его организаторы достигли своих стратегических целей и продолжение репрессий угрожало проведению новой политической кампании по созданию новых учебников по истории. Но случавшиеся время от времени аресты напоминали оставшимся на свободе о возможности и для них такой же трагической судьбы. В ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) была выявлена «контрреволюционная группа», за принадлежность к которой арестовали 26 апреля 1938 г. ответственного секретаря журнала «Пролетарская революция» Л. И. Рыклина, 29 октября заместителя директора института Е. И. Короткого, 21 апреля 1939 г. другого заместителя В. Г. Сорина, и еще ряд ученых.

Примечательны биографии и судьбы ряда репрессированных историков «школы Покровского». Бывший ответственный секретарь Общества историков-марксистов (ОИМ) и журнала «Историк-марксист» И. Л. Татаров (Каган), согласно материалам уголовного дела и написанной для РАНИОН автобиографии, прожил короткую, но бурную жизнь⁷. Он родился в мае 1901 г. в Вильно в семье мещан. До 1917 г. учился в гимназии, затем поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но вскоре учеба была заброшена, и студент целиком погрузился в политику. Осенью 1919 г. он был избран секретарем Петроградского комитета комсомола, а спустя год — секретарем ЦК РКСМ, членом исполкома Коминтерна молодежи. Политическая карьера, однако, неожиданно оборвалась, т. к. во время чистки 1921 г. за завышение своего партстажа он был на год исключен из партии. Пришлось вернуться в Ленинград, продолжить учебу в университете.

Поначалу вчерашний комсомольский вождь, сменивший к тому времени прежнюю фамилию, усиленно занимался в семинариях С. В. Рождественского, Б. Д. Грекова, А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова, проявлял повышенный интерес к таможенной политике и вотчинному хозяйству России XVII—XVIII веков. Но темы эти с точки зрения современности были не очень актуальны, и постепенно Татаров переориентировался на новейший период истории. Смене научных интересов способствовали преподавание истории партии в Комуниверситете им. Г. Е. Зиновьева и Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева, работа в качестве заместителя заведующего архивом Департамента полиции, секретаря ленинградских журналов «Красная летопись» и «Борьба классов».

В феврале 1927 г. по предложению Покровского Татаров переехал в Москву, где был назначен сотрудником Истпарта ЦК ВКП(б) и ответственным секретарем журнала «Историк-марксист». С этого времени он — активный участник главных событий на историческом фронте, последовательный сторонник Покровского в его борьбе с Е. М. Ярославским за лидерство в марксистской историографии. Имя Татарова часто встречается на страницах исторических и общественно-политических журналов, он является подготовителем проектов тезисов Культпропа ЦК ВКП(б) о I съезде партии и о «Народной воле», автором (под псевдонимом И. Нарвский) брошюры «К истории борьбы большевизма с люксембургизмом».

В 1932 г. в связи с рассмотрением ЦК ВКП(б) вопроса о «бытовом

разложении» и последовавшим исключением из партии Татаров был отстранен от занимаемых постов, его перестали печатать. Партийная реабилитация в марте 1933 г. не вернула утраченного положения, и накануне ареста бывший руководитель ОИМ занимал скромную должность преподавателя истории партии Центральной школы НКВД.

К числу обвиняемых по делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» Татаров был привлечен как активный зиновьевец периода XIV съезда ВКП(б). В письмах Я. Э. Рудзутак от 26 мая 1932 г. и Сталину от 27 февраля 1933 г. Татаров признавал, что это «крупнейшая политическая ошибка. Я только протестую против утверждений, что вел фракционную работу, ибо не вошел в троцкистско-оппозиционный блок». Но признание не помогло. Арестованный на московской квартире, Татаров был препровожден в распоряжение управления государственной безопасности УНКВД по Ленинградской области. Следствие велось формально и заняло меньше месяца. Единственный протокол допроса Татарова и два протокола его очных ставок с другими обвиняемыми датированы 25 января, когда приговор Особого совещания при НКВД СССР от 16 января 1935 г о 5-летней высылке Татарова в Дудинку (Красноярский край) уже состоялся. Материалы о дальнейшей судьбе Татарова отсутствуют. Можно предположить, что, как и большинство осужденных по делу, в том числе его друг Я. С. Цейтлин, он погиб в местах лишения свободы.

Историк рабочего движения П. И. Анатольев родился в семье развозчика пива 12 октября 1897 г. в Екатеринославе (Днепропетровске)⁹. По окончании реального училища работал статистиком в земстве, давал частные уроки. Революционные события перевернули привычный уклад его жизни: в июне 1917 г. Анатольев стал членом местной организации Бунда, был избран секретарем Бердянского, а через несколько месяцев Екатеринославского губернского профсоюза кожевников. Затем — вступление в 1919 г. в РКП(б), политработа в рядах Красной Армии, редактирование партийных газет в Житомире и Екатеринославе, учеба на историко-экономическом отделении Института народного образования, трудовая деятельность в издательствах «Пролетарий» и «Молодая гвардия».

Желание продолжить образование привело Анатольева в аспирантуру РАНИОН по отделению русской истории, учебу в которой он закончил в 1929 году. Занимался в историографическом семинаре Покровского, но близко сошелся с другим преподавателем — Невским, с которым его объединяли общие исследовательские интересы. По распределению Анатольев некоторое время работал в Ростовском комвузе. С июня 1930 г. его научная деятельность связана с Институтом истории Комкадемии, где он являлся старшим научным сотрудником. Хотя Анатольев был избран секретарем парткома института, он старался держаться в стороне от острых дискуссий и конфликтов, посвящал главное внимание творчеству. Много печатался, готовил две книги — о Морозовской стачке и о предистории марксизма в России, которые из-за ареста 2 февраля 1935 г. оказались неоконченными.

Следствие по делу Анатольева велось в тесной связи с делами других членов «контрреволюционной группы В. И. Невского». Анатольев на допросах держался достойно, обвинения в антисоветской агитации и пропаганде отрицал. Тем не менее Особым совещанием при НКВД СССР 5 мая 1935 г. он был приговорен к 5 годам лишения свободы и отправлен в Верхнеуральский политизолятор. Оттуда 18 октября 1936 г. он написал руководству НКВД СССР о своей невинности и просил пересмотреть дело. Трудно сказать, это ли письмо, приобщенное к уголовному делу, или другие обстоятельства (новое следствие по делу Невского) послужили основанием для перевода его в Москву, где начался заключительный круг его мучений. На этот раз Анатольеву предъявлялись более серьезные обвинения — участие в контрреволюционной группе правых оппозиционеров, якобы готовивших террористические акты против руководителей партии и правительства, — и следователи не гнушались пользоваться любыми методами дознания.

Отчаявшийся Анатолев накануне завершения следствия 12 мая 1937 г. обратился к Н. И. Ежову из Бутырской тюрьмы: «Я писал Вам в первых числах января 1937 г. После этого я прошел через 35 допросов, сводившихся к настойчивому требованию подписания, что я, якобы, участник контр-революционной организации реставраторов капитализма — правых. ...В ноябре 1936 г. я, доведенный после двадцатимесячной сидки в тюрьме до состояния полного нервного истощения, в истерике (полуторачасовой) под-писал совершенно абсурдные вещи. ...Все мои уточнения были отвергнуты. Далее мне предъявили статью 58 пункт 8. Это чудовищная нелепица. ...Зачем арестована моя жена Жемчужина Ольга Ивановна? Где она? Зачем разрушена моя семья? Зачем уничтожена моя научно-исследовательская десятилетняя работа? Зачем? Почему верят разной клевете людей, изолгав-шихся перед партией...? Доколе мне нужно быть в тюрьме среди клоаки людских отбросов? Доколе?!»

Обвинительное заключение по делу Анатолева было утверждено А. Е. Вышинским 17 июня 1937 года. Через день Военная коллегия Верховного Суда СССР в закрытом заседании, продолжавшемся немногим более 20 минут, приговорила Анатолева к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день.

Схожая судьба — у его товарища по историографическому семинару Покровского в РАНИОН и Институту истории Комакадемии, заместителя руководителя научно-исследовательской группы по истории пролетариата, заместителя редактора сборников «Литературное наследство» П. П. Парадизова. Первоначально Особым совещанием при НКВД СССР 5 мая 1935 г. он был осужден к 5 годам лишения свободы. Находясь в Челябинском политизоляторе, он переписывался с женой, она приезжала к нему. Надежда на пересмотр дела подтолкнула Парадизова 19 апреля 1936 г. обратиться к заместителю наркома внутренних дел СССР с заявлением, в котором он попытался охарактеризовать прожитую жизнь и свое видение ситуации в советской исторической науке.

«Я родился в горнозаводском селе Людинове Калужской губернии в 1906 г.,— писал Парадизов.— Отец мой — до революции земский, а затем заводской фельдшер... Мать домохозяйка...— Собственности они не имели, и вся семья жила только на скудный заработок отца. В комсомол я вступил в 1920 г.; с 3 декабря 1923 г. кандидат и с 2 июня 1926 г. член ВКП(б). В 1922 г. поступил в Московский институт гражданских инженеров, где был ответственным секретарем комсомольской организации. ...Комиссия по чистке партии (весной 1924 г.) нашла нецелесообразным мое пребывание в техническом вузе и внесла постановление о целесообразности переброски меня в комвуз. Осенью 1924 г. Агитпромом ЦК партии был направлен в... Академию коммунистического воспитания, которую окончил экстерном в 1925 г. В 1926 г. поступил в РАНИОН на историческое отделение. ...Преподавал ленинизм в I МГУ. В 1930 г. закончил аспирантуру в Институте истории Комакадемии и был оставлен ...для научной работы. Но осенью того же года в связи с острой потребностью провинции в преподавательских кадрах был направлен ЦК ВКП(б) в распоряжение обкома ВКП(б) Центрально-черноземной области. В Воронеже в облкомвузе вел курс истории народов СССР и аспирантский семинарий. ...В мае 1932 г. Культпропом ЦК был отозван в Москву для научной работы в Институте истории Комакадемии».

В своем письме Парадизов признавался, что в начале 30-х годов его мучили сомнения в правильности курса партии на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, и далее давал оценку состояния советской историографии. Годы накануне постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»,— отмечал он,— это «критическое время в судьбах самой исторической науки», когда «масштабы и сложность задач находились в резком противоречии с малочисленностью кадров квалифицированных историков, отсутствием продуманного плана исторических исследований и прежде всего с наличием элементов теоретической путаницы у академического руководства историческим

фронтом». Эта путаница, по мнению Парадизова, была связана с отсутствием самокритики и господством взглядов Покровского. «Классиков марксизма-ленинизма М. Н. Покровский плохо изучал, а отсюда его основные теоретические ошибки. Но он лично обладал широким историческим кругозором, недюжинной эрудицией и редким литературным талантом. Ближайшее же его окружение, имевшее значительное влияние на историческом фронте и при нем и после него, намного уступало ему в этих отношениях».

«Пятнадцатый месяц я в заключении,— взывал в конце письма к милосердию Парадизов.— Впереди еще годы. Тяжело сидеть в советской тюрьме. ...Это тем более невыносимо, что организм мой уже значительно истощен полуголодным существованием в первые студенческие годы и перенесенными болезнями (в 1927 и 1932 гг. я месяцами терял работоспособность)...»¹⁰.

В конце октября 1936 г. из Челябинска Парадизов был доставлен в Москву для нового следствия. Формулировки обвинительного заключения и приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР, как и проставленные на них даты, слово в слово копировали аналогичные документы из уголовного дела его друга Анатольева. 20 июня 1937 г. в Бутырской тюрьме Парадизов был расстрелян.

Третий участник историографического семинара Покровского в РАНИОН В. З. Зельцер родился 4 августа 1905 г. в г. Вознесенске Херсонской губернии в семье служащего¹¹. Окончил коммерческое училище и профсоюзную школу. В пятнадцатилетнем возрасте начал читать лекции по общественным наукам в Николаевской губсовпартшколе, сотрудничал с местным Истпартом. В 1925 г. издал свою первую книгу «Революционное движение в Николаеве». Не имея высшего и даже законченного среднего образования, поступил в аспирантуру РАНИОН. По ее окончании в 1929 г. ЦК ВКП(б) был направлен в Нижний Новгород, где руководил губернским ОИМ и преподавал в пединституте, комвузе и институте подготовки кадров ИКП. В связи с развертыванием работ по созданию истории заводов по просьбе М. Горького в октябре 1932 г. был переведен в Москву. Будучи ведущим сотрудником Института истории Комкадемии и одним из руководителей издательства «История фабрик и заводов» много печатался, совместно с Парадизовым готовил книгу по истории Трехгорной мануфактуры.

После ареста Анатольева и Парадизова Зельцер 19 февраля 1935 г. был исключен из партии. На партсобрании в Институте истории, обсуждавшем его персональное дело, он мужественно защищал друзей. Сейчас действует принцип: лучше посадить десять невиновных, чем пропустить одного виновного, заявил Зельцер. «Неизвестно, какая вина инкриминируется Анатолеву и Парадизову»¹².

Вскоре, однако, обвинения были предъявлены самому Зельцеру. По приговору Особого совещания при НКВД СССР от 9 мая 1935 г. он был осужден к 3 годам лишения свободы. Отбывая срок в Верхнеуральском политизоляторе, он написал письмо в ЦК ВКП(б) с требованием пересмотреть дело, в знак протеста объявил голодовку, которая продолжалась почти 30 дней. В мае 1936 г. из изолятора его переправили на Колымский прииск «Таежник». Но и в суровых условиях севера Зельцер продолжал отстаивать свое человеческое достоинство, открыто говорил окружающим об отсутствии внутрипартийной демократии, о незаконных репрессиях, о фальши публикаций советской прессы. Независимое поведение, смелые разговоры не вписывались в лагерный уклад. Зельцер был обвинен в создании на прииске контрреволюционной группы из заключенных. 10 сентября 1937 г. по сфабрикованному делу он предстал перед тройкой управления НКВД по Дальстрою, которая приговорила его к расстрелу. 8 октября 1937 г. в Магадане этот приговор был приведен в исполнение.

Автор работ по теории исторического процесса, участник известной дискуссии об общественно-экономических формациях А. Г. Пригожин родился 17 октября 1896 г. в Смоленске в семье кустика-кожевника¹³. До революции учился в гимназии, состоял членом местной организации Бунда.

После вступления в 1918 г. в РКП(б) Пригожин ушел на фронт, являлся ответорганизатором ЦК КП(б) Украины, служил в политотделе 2-й Конной армии. В 1922 г. поступил в ИКП, по окончании которого преподавал в Комуниверситете трудящихся Востока. Как примкнувший к троцкистской оппозиции, в 1927 г. был исключен из партии и отправлен на преподавательскую работу во Владивосток. Восстановление в партии открыло дорогу для переезда в Ленинград, где Пригожин работал в отделении Комакадемии, заместителем председателя ГАИМК, затем директором ЛИФЛИ. В марте 1934 г. он был переведен в Москву на должность директора МИФЛИ, которую занимал до нового исключения из партии в январе 1935 года.

Арест Пригожина 11 апреля 1935 г. мотивировался его связями с бывшими сокурниками по ИКП — членами «троцкистской группы» в Саратовском пединституте. Следствие было скорым. 7 июля того же года Особое совещание при НКВД СССР приговорило Пригожина к трехлетней ссылке в Уфу. Повторное постановление о привлечении к уголовной ответственности состоялось 1 августа 1936 г. уже после того, как Пригожина вновь арестовали и из Уфы отправили в распоряжение управления НКВД по Ленинградской области, а оттуда — Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Последовала долгая череда допросов, очных ставок, завершили которую утвержденное Вышинским 3 марта 1937 г. обвинительное заключение в террористической деятельности и приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР о высшей мере наказания. Жизнь Пригожина оборвалась на следующий после приговора день 8 марта 1937 г.

Ученик и критик Покровского Э. Я. Газганов родился 24 октября 1900 г. в семье служащего в г. Стародубе Черниговской губернии¹⁴. Не окончив гимназию, в 1918 г. ушел на фронт. В армии вступил в партию, был политработником, в 1925 г., накануне поступления на историческое отделение ИКП, занимал должность комиссара артиллерийского района Киевского военного округа. Учебу в «кузнице красных профессоров», научно-литературную деятельность Газганов сочетал с активной политической деятельностью. Вместе с А. И. Ломакиным и при поддержке комсомольских вожаков Л. А. Шацкина, В. В. Ломинадзе, А. С. Кострова и Я. Э. Стэна он стал организатором в конце 20-х гг. в партийной организации института «левого меньшинства». Оно отстаивало в противовес бухаринской линии ультрареволюционные методы строительства социализма и требовало отстранить от руководства историко-партийным отделением ИКП В. Н. Астрова и А. Н. Слепкова, а также выступало за свободу фракций и внутривнутрипартийную демократию.

По распределению Газганов поступил в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), где готовил к публикации 9 том второго издания собрания сочинений В. И. Ленина. Одновременно он являлся заместителем редактора исторического отдела Большой советской энциклопедии. Старые контакты с оппозиционерами сослужили, однако, плохую службу. В период внутрипартийной кампании в связи с делом С. И. Сырцова — В. В. Ломинадзе Газганов был подвергнут партийной проработке, получил строгое выскание и был отправлен в Смоленск инструктором обкома ВКП(б). С 1932 г. он — директор местного пединститута. В феврале 1935 г. в ходе новой чистки партии от бывших оппозиционеров бюро Западного обкома ВКП(б) отстранило Газганова от работы как «не пользующегося политическим доверием». В Москве Газганов смог устроиться на работу в Центральную научную сельскохозяйственную библиотеку, откуда вскоре его также уволили. В августе 1935 г. партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) исключила его из партии.

Арестованный за связь с Л. А. Шацкиным, Я. Э. Стэном и В. Д. Резником Газганов 21 мая 1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР был осужден к 5 годам лишения свободы и по этапу отправлен в Севвостоклаг на Колыму. В середине июня 1936 г. он уже числился забойщиком прииска «Верхний Оротукан». В июне 1937 г. по стране прогремело дело о «заговоре военных». Среди заговорщиков значился покончивший самоубийством на-

чальник Главного политического управления Красной Армии Я. Б. Гамарник, родной брат жены Газганова Фани Борисовны. Видимо, по этой причине в августе он вновь был арестован, а 14 сентября 1937 г. тройкой управления НКВД по Дальстрою приговорен к расстрелу. 26 октября 1937 г. Газганов был расстрелян.

Одним из наиболее талантливых представителей молодого поколения историков-марксистов и ближайшим сотрудником Покровского являлся Г. С. Фридлянд (Ц. Фридлянд). К семидесятилетию со дня его рождения была опубликована биографическая справка о нем с приложением библиографии его работ¹⁵. Материалы уголовного дела Фридлянда¹⁶, другие архивные источники позволяют уточнить имеющиеся сведения.

Фридлянд родился 27 сентября 1897 г. в Минске в семье рабочего-щетинщика. С 1913 г. обучался на юридическом факультете Петроградского психоневрологического института, где посещал семинарии Н. И. Кареева и В. А. Бутенко. Тогда же вступил в еврейскую социал-демократическую партию «Поалей Цион», в которой состоял до 1921 г., причем в течение трех лет (1917—1919 гг.) был членом ее ЦК. Затем Фридлянд некоторое время обучался в ИКП под руководством М. Н. Покровского и А. Н. Савина. С 1922 г. начал преподавать в I МГУ, ИКП, Комуниверситете им. Я. М. Свердловла, где вскоре возглавил кафедру истории Запада. Научная и педагогическая деятельность в конце 1931 г. была прервана из-за тяжелой болезни и необходимости длительного санаторного лечения. (В библиографии трудов Фридлянда под 1932 г. значится только одна ранее подготовленная статья). Летом 1933 г. он вернулся к активному труду. После восстановления исторического факультета МГУ 1 июня 1934 г. он стал его деканом.

Уже тогда Фридлянд ясно сознавал, что его ждет трагическая судьба, о чем он неоднократно говорил своим коллегам. Часто встречаясь с К. Б. Радеком, они осуждали расправу над оппозиционерами, жаловались на то, что руководство исторической наукой поручено чиновникам, ничего общего с ней не имеющим и выполняющим специальный заказ ЦК ВКП(б). Радек считал, что Сталин давно знал и видел ошибки Покровского, но терпел его только потому, что тот в свое время активно боролся против оппозиции.

За три дня до ареста 28 мая 1936 г. партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) исключила Фридлянда из партии «за ведение контрреволюционной троцкистской работы». Следователь на допросах настойчиво требовал от него подробного описания его разговоров с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, с которыми он, будучи внештатным редактором издательства «Академия», сотрудничал и неоднократно встречался. Жестом отчаяния психологически сломленного человека явилось его письмо Г. Г. Ягоде от 7 августа 1936 г. с признанием в «тяжких преступлениях перед партией». Согласно обвинительному заключению Фридлянду приписывалась попытка организовать убийство партийных и государственных деятелей. 8 марта 1937 г. по приговору закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР, состоявшегося накануне под председательством В. В. Ульриха, Фридлянд был расстрелян.

Другой представитель ближайшего окружения Покровского Н. Н. Ваняг был исключен из партии и арестован 21 июня 1936 года¹⁷. Отправленный из столицы в распоряжение секретно-политического отдела управления государственной безопасности УНКВД по Ленинградской области, он прошел через 19 допросов и очных ставок. Следствие добилося от него «признания» намерения убить Сталина в марте 1934 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу преподавания истории в школах страны, на котором Ваняг присутствовал как руководитель авторского коллектива учебника по истории СССР. В январе 1937 г., к тому времени морально и физически раздавленный, Ваняг был возвращен в Москву, где подвергнут новому трехдневному непрерывному допросу. 7 марта 1937 г. он предстал перед закрытым судебным заседанием Военной коллегии Верховного Суда СССР и на следующий день был расстрелян.

Известный историк-марксист С. А. Пионтковский был арестован 7 октября 1936 года¹⁸. Это событие, как писала позднее в связи с готовившейся реабилитацией ученого А. М. Панкратова, «вызвало недоумение, т. к. никаких сведений о том, что он был связан с троцкистскими элементами, не было, ...среди историков профессор Пионтковский считался одним из наиболее ортодоксальных». При аресте органы НКВД помимо паспорта, партбилета, других личных документов изъяли дневник, который, в отличие от предусмотрительного большинства коллег, Пионтковский не уничтожил.

На первом же допросе 17 ноября следователь воспользовался выдержками из этого дневника для подтверждения антипартийных взглядов ученого. Цитаты, естественно, имели компрометирующий характер. «...Никто не бросился на помощь Троцкому, никто не пожалел его в этот момент,— писал Пионтковский между 23—29 октября 1927 г. о высылке Л. Д. Троцкого в Алма-Ату,— хотя все, конечно, глубоко задумались над тем, что Льва Давыдовича за ноги и за голову стащили по лестнице и отправили в ссылку». Другая запись в дневнике от 14 февраля 1930 г. в ответ на погромную критику в его адрес гласила: «Вся твоя жизнь и писания — ничто иное, как чернильная клякса. А не то совершенно неожиданно для самого себя из твоих книг вдруг закричит классовый враг, и ты сам сделаешься рупором противоположного класса. Пишешь книгу, любишь ее, возишься с ней, жалеешь, а потом окажется, что это ничто иное, как выражение классовых стремлений какого-нибудь буржуазного меньшевизма, троцкизма и еще какой-нибудь чертовщины».

После опубликования письма Сталина в журнал «Пролетарская революция» 10 ноября 1931 г. Пионтковский сделал следующую запись в дневнике: «Из третьих рук мне рассказывали, что Сталин объяснялся с Ярославским на пленуме по поводу своей статьи, спросив, не сердится ли Ярославский за указанные ошибки. Ярославский якобы сказал, что за ошибки он не сердится, если они действительно есть, но что он опасается, что теперь восторжествуют его противники и поднимут вокруг его имени свистопляску. На это Сталин сказал, что его противники Горин и Фридланд [сами виноваты] и о торжестве не может быть и речи. В беседе Сталин поинтересовался, кто наделал ошибок, изобразив его на мартовской конференции и в мартовские дни 1917 г. занимавшим одну позицию вместе с Каменевым. Ярославский сказал, что эту часть в 4 томе писал Кин. ... Ярославский должен будет в следующем номере «Большевика» написать письмо, где он признается в своих ошибках. Это письмо уже согласовано со Сталиным. Да, сейчас в наших политических условиях и при том положении, которое играет фигура Сталина... [нельзя] вспоминать о его ошибках».

На следствии перед лицом «собственных» откровений Пионтковский не отрицал, что вел «антипартийные разговоры», в том числе о негативном влиянии письма Сталина на историческую науку. Но ученый категорически возражал против обвинений в контрреволюционной террористической деятельности. Об этом же он заявил, как это зафиксировано в протоколе, на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 7 марта 1937 г., подчеркнув, что «на всем протяжении предварительного следствия его состояние было таково, что он подписывал показания, с которыми не соглашался». Пионтковский был расстрелян в один день со своими прежними оппонентами Ванагом и Фридландом.

Выдвиженец Покровского, директор ИКП истории Т. М. Дубыня родился 17 сентября 1901 г. в семье каменщика в г. Гусятин на Западной Украине¹⁹. Чернорабочий, укладчик рельсов, он стал участником Венгерской революции 1919 года. После ее поражения приехал в Россию, служил в Красной Армии. Во время советско-польской войны 1920 г. ЦК РКП(б) командировал Дубыню в Галицию, но из-за окончания боевых действий на родину он не доехал и остался в Харькове, где учился и преподавал в партийной школе при ЦК КП(б) Украины. Затем парторганизация в Житомирской губернии, Крыму. В 1925 г. молодой секретарь горкома партии Севастополя поступил на историческое отделение ИКП, по окончании которого остался в Москве на ответственной парторганизации.

культпропотделом горкома партии не сумел, однако, сработаться с Кагановичем, и с 1933 г. являлся секретарем парткома, затем директором ИКП истории. Администратор от науки, почти не занимавшийся творчеством,— таким воспринимался Дубыня в кругах историков-марксистов.

Справка с изобличающими его показаниями легла на стол Ежова 27 декабря 1936 года. Он надписал на ней: «Арестовать». Следствие было скорым. Обвиняемый признал, что поддерживал дружеские отношения с Г. Л. Пятаковым, в кругу друзей заявлял об ошибочности некоторых мер партии по руководству исторической наукой, не бдительно относился к врагам народа, дав указание выплатить двухмесячное жалование семьям арестованных Ванана и Фридлянда. Но категорически отрицал причастность к террористической организации. Об этом же Дубыня заявил на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 20 июня 1937 года. Приговор о расстреле Дубыни был приведен в исполнение на следующий день.

Биография заместителя редактора журнала «Историк-марксист» П. С. Дроздова типична для многих историков-марксистов²⁰. Разве что его критика концепции Покровского на рубеже 20—30-х годов придает ей некоторое своеобразие. Он родился 5 июля 1900 г. в семье приказчика фабрики в деревне Бобры Рязанской губернии. После революции работал агитатором в губернском военкомате, учителем начальной школы в Касимовском уезде. С 1919 г. Дроздов — преподаватель политграмоты и обществоведения Калужских пехотных командных курсов, Московской военно-технической школы, военной школы им. ВЦИК, высшей военно-педагогической школы. Преподавательскую деятельность дополняли учеба на факультете общественных наук I МГУ, а с 1925 г.— в ИКП. По окончании института Дроздов был назначен заведующим кафедрой истории СССР Комуниверситета им. Я. М. Свердлова.

Активная критика Покровского, организация писем против него в ЦК ВКП(б) дорого стоила Дроздову. По его словам, на общем партсобрании институтов красной профессуры 16 марта 1937 г., «меня до 1934 г. не пускали на страницы исторических журналов»²¹. В дни, когда хоронили Покровского, Дроздова отправили в Свердловск заместителем директора местного института марксизма-ленинизма. Лишь в сентябре 1934 г. в связи с подготовкой новых учебников по истории и вопреки мнению лиц из ближайшего окружения Покровского Дроздов был возвращен в Москву и работал заведующим кафедрой истории СССР ИКП истории и заместителем заведующего кафедрой истории Высшей школы пропагандистов при ЦК ВКП(б).

Обвинения в «двурушничестве и троцкизме» Дроздова впервые открыто прозвучали на партийных собраниях в апреле 1937 года. Арест произошел спустя два месяца. Дальше — трехмесячное следствие, утвержденное Вышинским обвинительное заключение, закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. В день вынесения приговора 2 ноября 1937 г. Дроздов был расстрелян.

Товарищ Газанова по «левому меньшинству» в ИКП А. И. Ломакин родился 4 апреля 1901 г. в селе Борисовка Курской губернии в семье священника²². Выпускник реального училища рано занялся политической деятельностью. В декабре 1917 г. он вступил в РКП(б), стал одним из организаторов Курского союза рабочей молодежи, делегатом I съезда РКСМ, на котором был избран в состав ЦК комсомола. В последующие годы Ломакин побывал во многих местах страны — работал секретарем Курского укома партии и губкома комсомола, политработником в 13-й армии, членом Дальневосточного бюро ЦК РКСМ в Чите и Владивостоке, секретарем Смоленского и Николаевского губкомов комсомола, заведующим отделом ЦК комсомола Украины.

Осенью 1924 г. по путевке ЦК РКП(б) Ломакин поступил на курсы марксизма-ленинизма при Комакадемии, а через год — на историческое отделение ИКП.

По окончании учебы ему поручили подготовку 16-го тома второго

издания собрания сочинений Ленина, научную работу в секторе лениноведения ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Но вскоре в связи с борьбой против «праволевацкого блока С. И. Сырцова — В. В. Ломинадзе» бывший «левак» разделил участь Газганова, получил строгое партвзыскание и был отправлен в Ташкент руководителем кафедры истории партии местного комвуза. С апреля 1931 г. он — заместитель заведующего культпропотделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) и фактический руководитель Среднеазиатского Института истории революции. Лишь летом 1933 г. Ломакин вернулся в Москву, где работал заведующим группой истории СССР Института истории Комкадемии и заведующим кафедрой истории партии Высшей школы профсоюзного движения.

В ноябре 1936 г. он был исключен из партии за «неразоблачение врага народа» — своей жены Люции Джапаридзе. Парторганизация Института истории АН СССР сочла, однако, возможным оставить его на работе в институте. Арест его 10 августа 1937 г., почти год спустя после этого события, оказался для многих неожиданным. Два допроса, очная ставка с бывшим секретарем ЦК РКСМ В. Г. Фейгиным — и 15 декабря 1937 г. Ломакин предстал перед закрытым заседанием Военной коллегии Верховного Суда СССР по обвинению в причастности к троцкистской террористической организации. Ломакин мужественно защищался, признав только, что хранил две тетради собственных выписок из книг Л. Д. Троцкого «Моя жизнь», «Перманентная революция» и «Русская революция», которые читались членами семьи Джапаридзе. По приговору (10 лет заключения с последующим поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества) Ломакин был отправлен в исправительно-трудовой лагерь. Дальнейшая его судьба по имеющимся документам не прослеживается.

Д. Я. Кин, посмевавшийся написать в «Истории ВКП(б)» под редакцией Ярославского о политической ошибке Сталина в марте 1917 г., был специалистом по истории революционного движения и гражданской войны, учеником Покровского, хотя в его ближайшее окружение не входил. Он родился 23 декабря 1899 г. (5 января 1900 г.) в Одессе в семье богатого торговца обувью²³. Учился в гимназии, Московском университете, откуда вскоре перевелся в университет родного города. Будучи студентом проявил интерес к марксистской литературе, вступил в апреле 1917 г. в Одесскую организацию РСДРП(б). В ее деятельности Кин оставил заметный след, как председатель ревтрибунала, участник основных событий гражданской войны в Одессе. О его комиссарстве на высших женских курсах с иронией упоминает И. А. Бунин²⁴. С августа 1919 г. Кин — армейский политработник, дослужившийся до поста заместителя начальника агитпропотдела политического управления Красной Армии. Затем — учеба на историческом отделении ИКП в 1923—1926 гг., преподавание в различных вузах, членство в редколлегиях исторических журналов, работа заместителем директора историко-партийного ИКП.

Письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция» оборвало удачно складывавшуюся карьеру Кина. Труды его подверглись разностной критике, он получил строгое партвзыскание за «троцкистскую ошибку в вопросах истории партии» и был отправлен в Хабаровск, где работал заместителем председателя крайплана и заведующим агитпропотделом Дальневосточного крайкома ВКП(б). Лишь в 1934 г. он получил возможность вернуться в Москву и продолжить работу в Институте истории Комкадемии и ИКП истории. Но она была прервана 20 августа 1937 года. Арестованный как участник «троцкистской террористической организации», Кин упорно отрицал предъявленные обвинения. Следствию так и не удалось сломить его сопротивление. 8 февраля 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР в закрытом заседании приговорила его к высшей мере наказания. В тот же день его расстреляли.

Одним из наиболее близких Покровскому историков-марксистов был П. О. Горин (Коляда). Он родился 15 января 1900 г. в местечке Картуз-Береза Гродненской губернии в крестьянской семье²⁵. Пятнадцатилетним ушел в люди, занимался самообразованием. В 1918 г. вступил в РКП(б),

состоял членом волостного ревкома в Западной Белоруссии, служил политработником в 15-й армии. Знакомство с Покровским произошло в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, куда Горин был командирован в январе 1920 г. литовско-белорусским отделом ЦК РКП(б). Новый студент приглянулся маститому ученому и по его рекомендации продолжил обучение в лекторской группе при Коммунистическом университете и на историческом отделении ИКП.

В последующие годы Горин — видная фигура среди историков-марксистов, член президиума и ученый секретарь ОИМ, член редколлегий журналов «Историк-марксист» и «История пролетариата СССР», заместитель редактора журнала «Пролетарская революция», преподаватель нескольких вузов, председатель общества политэмигрантов Западной Белоруссии, автор многих статей и книг по истории партии и революционного движения.

С середины 1931 г. научная деятельность Горина связана с Белоруссией, где он был избран президентом республиканской АН, кандидатом в члены бюро ЦК ЦК(б) республики. В 1933 г. ученый в составе советской делегации участвовал в международном конгрессе историков в Варшаве, где на польском языке прочитал предварительно одобренный комиссией ЦК ВКП(б) доклад о колониальной политике царизма в Польше. Как позднее вспоминал Горин, «во время XVII съезда партии т. Каганович в присутствии тт. Молотова и Орджоникидзе похвалил меня за удачливый доклад и передал, что им доволен и т. Сталин». Одновременно с официальной частью на конгрессе Горин выполнил секретное поручение польской секции Коминтерна, доставив деньги для ЦК компартии Западной Белоруссии. Это было опасное задание, т. к. возможный провал грозил скомпрометировать всю советскую делегацию.

В 1934 г. из-за конфликтов с секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Н. М. Голодедом Горин стал настойчиво проситься на научную работу в Москву. Вопрос решился только через год. Из предложенных ЦК ВКП(б) вариантов — начальник Центрархива СССР или заместитель председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК, СССР — Горин выбрал второй, дававший больше свободного времени для занятий наукой. В январе 1936 г. он был утвержден членом комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по историческим учебникам, председателем ее подкомиссии по изданию исторической литературы. С этого момента другой работой фактически Горин не занимался. После объявления конкурса на элементарный учебник по истории СССР он сформировал из учителей Краснопресненского района г. Москвы авторский коллектив по подготовке такого учебника.

Незадолго до своего ареста Фридлянд посоветовал Горину, который находился в приподнятом настроении после беседы Сталина с членами комиссии по историческим учебникам, не предаваться иллюзиям. Ближайший ученик Покровского, заявил Фридлянд, зачислен в комиссию только с пропагандистской целью, для того чтобы приложить руку к критике ошибочных взглядов бывшего патрона: сделавший дело «мавр» будет не нужен. Эти слова оказались пророческими. Не успев заменить арестованного Фридлянда в деканате исторического факультета МГУ, Горин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу польской разведки и участия в белорусской националистической организации. Закрытое заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР признало это абсурдное обвинение обоснованным. В день вынесения приговора 25 апреля 1938 г. ученый был расстрелян.

Жизнь и судьба историков «школы Покровского», как, впрочем, многих других, при всех отличиях сложились очень похоже. Революционная эпоха подняла вчерашних юнцов из привычной мешанской и крестьянской среды, вдохнула честолюбивые надежды, открыла перед ними заманчивые перспективы. Она наложила на их научное творчество неизгладимый отпечаток, накрепко связав его с задачами классовой борьбы. Формула «история есть политика, опрокинутая в прошлое» стала аксиомой для целого поколения историков-марксистов. Сам учитель подбирал и ценил учеников,

в немалой степени руководствуясь критерием их политической активности. Характерный пример — когда Покровский подыскивал нового ответственного секретаря журнала «Историк-марксист» и делился своими соображениями об этом с Кагановичем в письме от 21 декабря 1931 г., кандидатура Б. Н. Тихомирова, по его же словам «одного из самых талантливых моих учеников», была названа последней из-за того, что он «мало проявил себя политически»²⁶.

Именно политическая активность, а если говорить конкретно — подчинение научной деятельности политической линии тогдашнего партийно-государственного руководства во главе со Сталиным, сыграли роковую роль в судьбе историков-марксистов. Оказавшись среди творцов такой политики, они стали затем ее жертвами.

Примечания

1. БРАЧЕВ В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова — Вопросы истории. 1989. № 5; ГОРЯИНОВ А. Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов. — Советское славяноведение. 1990, № 2; ДУНАЕВСКИЙ В. А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина — Новая и новейшая история. 1990, № 6; КУМАНЕВ В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М. 1991 и др.
2. НИКИТИН Е. Н. Архив историка П. П. Парадизова — Археографический ежегодник за 1988 год. М. 1989, с. 251.
3. Археографический ежегодник за 1989 год. М. 1990, с. 123.
4. «Правда». 27.I.1936. См. также: ДРОЗДОВ П. Историческая школа Покровского. Правда. 28.III.1937.
5. См., например: СОКОЛОВ О. Д. М. Н. Покровский — выдающийся организатор научно-исследовательской работы — Вопросы истории. 1969; № 6; его же. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М. 1970.
6. Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОД г. Москвы), ф. 211, оп. 1, д. II, л. 66—68об.
7. Центральный архив Министерства безопасности РФ (ЦА МБ РФ), д. Н—11146; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Ф. 4655 (РАНИОН), оп. 2, д. 373, л. 1—6.
8. См. справку: О деле так называемой «Ленинградской контрреволюционной группы Сафарова, Залуцкого и других» — Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 38—58.
9. ЦА МБ РФ, д. Р—8074; Архив Российской Академии наук (АРАН), ф. 350, оп. 3, д. 280, л. 4—10об.
10. ЦА МБ РФ, д. Р—38589; АРАН, ф. 350, оп. 3, д. 308.
11. ЦА МБ РФ, д. Р—8432; АРАН, ф. 350, оп. 3, д. 293.
12. ЦАОД г. Москвы, ф. 211, оп. 1, д. 6, л. 13об.—14.
13. ЦА МБ РФ, д. Р—8213.
14. ЦА МБ РФ, д. Р—8301, , д. Р—19083; АРАН, ф. 350, оп. 3, д. 287.
15. СЛУЦКИЙ А. Г. Доктор исторических наук, профессор Григорий Самойлович Фридлянд (1896—1937) — История и историки. Историография всеобщей истории. Сб. ст. М. 1966.
16. ЦА МБ РФ, д. Р—8190; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 384, карт. 6, д. 60, л. 1—2.
17. ЦА МБ РФ, д. Р—8186.
18. ЦА МБ РФ, д. Р—8214. См. также: ЛИТВИН А. Л. В ряду первых советских историков — Вопросы истории КПСС. 1990, № 1.
19. ЦА МБ РФ, д. Р—8049.
20. ЦА МБ РФ, д. Р—8521; ЦАОД г. Москвы, ф. 474, оп. 1, д. 107, л. 50.
21. ЦАОД г. Москвы, ф. 474, оп. 1, д. 102, л. 63.
22. ЦА МБ РФ, д. Р— 40098; АРАН, ф. 1577, оп. 4, д. 62.
23. ЦА МБ РФ, д. Р—9455; АРАН, ф. 1577, оп. 4, д. 50, л. 15; ОР РГБ, ф. 384, карт. 6, д. 28, л. 1.
24. БУНИН И. А. Окаянные дни. М. 1991, с. 117.
25. ЦА МБ РФ, д. Р—2454; ОР РГБ, ф. 384, карт. 6, д. 19, л. 1—3.
26. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 147, оп. 2с, д. 10, л. 6об.